

Образ идеального оратора у Цицерона

Бобровникова Т.А.

Как известно, Марк Туллий Цицерон был не только величайшим оратором Рима, но и крупным писателем, сочинениями которого зачитывались современники и ближайшие потомки, а затем и вся Европа вплоть до XVIII века. Сочинения эти можно разделить на две группы: трактаты по философии, такие, как «О природе богов», «Тускуланские беседы», «О пределах добра и зла» и другие, и трактаты по ораторскому искусству. Этим последним и посвящена настоящая статья.

Само по себе появление риторических сочинений в творчестве Цицерона не вызывает удивления. Очень многие его предшественники и современники писали об ораторском искусстве. Среди авторов находим имена очень знатных людей. Например, подобное сочинение написал учитель Цицерона, консуляр Антоний (143–87 гг. до н.э.) (Сic. De or. I, 206). Объясняется это необыкновенно высоким положением, которое занимало ораторское искусство в республиканском Риме. Обусловлено же было это положение двумя причинами.

Во-первых, римский политик постоянно выступал перед сенатом и народным собранием. Он должен был убеждать своих слушателей принять предложенный им закон или политический проект. Такой вдумчивый историк, как Тацит, видит в этом главную причину того, что в его время, несмотря на все успехи просвещения, в ораторском искусстве заметен регресс. «Великое и яркое красноречие — дитя своеволия... оно... вольнолюбиво... Не знаем мы... красноречия македонян и персов и любого другого народа, который удерживался в повиновении твердой рукой... Форума древних ораторов больше не существует... Нужно ли, чтобы каждый сенатор пространно излагал свое мнение по тому или иному вопросу, если благонамеренные сразу приходят к согласию? К чему многочисленные народные собрания, когда общественные дела решаются не невеждами и толпой, а мудрейшим одним?» (Тac. Dial., 40–41)¹.

Во времена Цицерона, то есть во время так называемой «римской революции», политические страсти кипели. Трибуны чуть ли

¹ Здесь и далее диалог цитируется в переводе А. С. Бобовича.

не ежедневно созывали народное собрание, выступали с горячими речами, призывая к свободе, им возражали сторонники сената, и иногда целые дни до вечера политики спорили друг с другом на глазах всего Рима. Тацит описывает эту увлекательную, мятежную жизнь, которой он не застал. «Непрерывные предложения новых законов и домогательства народного расположения... народные собрания и выступления на них магистратов, проводивших едва ли не всю ночь на трибунах... обвинения и предания суду именитых граждан» (Тас. Dial., 36). Естественно, все эти законодатели и политики стремились стать хорошими ораторами.

Вторая причина определяется некоторыми своеобразными чертами римского судебного процесса. Он достиг в то время совершенства. Ф.Ф. Зелинский в начале XX века писал: «Римский уголовный процесс был... тем идеалом правосудия, которого сравнительно недавно достиг уголовный процесс новейших времен»¹. Суд заседал почти ежедневно. В то же время в Риме не было ни платных адвокатов, ни профессиональных прокуроров. Любой гражданин мог быть обвинителем, а защищался человек либо сам, либо прибегал к помощи более красноречивого друга. Люция Котту в 138 г. до н.э. обвинял Сципион Африканский, а защищал Метелл Македонский. Оба были крупными полководцами, первыми людьми государства и не имели никакого отношения к суду (ORF², P. 106; 129–131; Scipio Minor. fr. 23–26). Ученика же Цицерона, Целия Руфа, защищал сам триумвир Марк Красс (ORF², p. 344, Crassus, fr. 12–13).

Очень интересной особенностью римского суда было то, что считалось не только допустимым, но и почетным привлекать к суду своих личных врагов. Вот два примера. Упомянутый Целий Руф вызвал на суд некоего Бестию. Бестия оправдался. Целий немедленно выдвинул против него новое обвинение, но тут его самого привлек к суду сын подсудимого. Бестия-младший прямо заявил на суде, что, не затронь Целий его отца, он не сказал бы ему ни одного дурного слова (Сис. Pro Cael., 56). И Цицерон, защитник Целия, ничуть не осуждает родичей Бестии и не пытается доказать судьям, что такой предубежденный обвинитель на суде не годится. Напротив. «Они, — говорит оратор, — выполняют свой долг, они защищают своих близких, они поступают так, как обычно поступают храбрейшие мужи» (ibid., 21)². Полководец Лукулл, также друг Цицерона,

¹ Зелинский Ф.Ф. Приложение II. Римский уголовный процесс // Цицерон, М. Туллий. Полное собрание речей. — Т. I. — СПб., 1901. — С. 755.

² Перевод В.О. Горенштейна.

в юности привлек к суду Сервилия, который в свое время опозорил судом его отца. По этому поводу Плутарх замечает: «Выступать с обвинениями, даже без особого к тому предлога, вообще считается у римлян делом отнюдь не бесславным, напротив, им очень нравится, когда молодые люди травят нарушителя закона, словно породистые щенки»¹ (Plut. Lucul., 1).

Таким образом, суд в Риме сделался чем-то вроде поединка. Поэтому римскому гражданину, можно сказать, так же необходимо было владеть ораторским искусством, как дворянину шпагой.

Разумеется, к суду привлекали и политических противников. Такого рода процессы стали одним из главных орудий политиков.

Вот почему авторитет оратора так непомерно вырос. «Ораторов осаждали просившие о защите... не только соотечественники, но и чужеземцы, их боялись отправляющиеся в провинцию магистраты и обхаживали возвратившиеся оттуда... они направляли сенат и народ своим влиянием», — пишет Тацит (Tac. Dial., 36). Цицерон же так описывает положение оратора его времени: «Перед кем люди трепещут? На кого они взирают потрясенные... Кем восторгаются? Кого считают чуть ли не богом среди людей? Того, кто говорит... блистая яркими словами и яркими образами (то есть оратора — Т.Б.)» (De or. III, 53)². У Цицерона мы находим очень живые сцены, позволяющую представить себе обстановку того времени. Он рисует нам оратора, всегда окруженного толпой поклонников. Молодые люди ловят каждое его слово; пристают к его секретарю, даже подсматривают за ним, чтобы понять, как готовит он свои речи (Cic. De or., I, 136).

Неудивительно, что, как говорит Цицерон, «по установлении всемирного нашего владычества... едва ли был хоть один честолюбивый юноша, который не стремился бы постигнуть во что бы то ни стало искусство оратора» (De or. I, 14).

Все это объясняет то высокое положение, которое занимал оратор в обществе Цицероновского времени, и тот необыкновенный интерес, который вызывали риторические сочинения. Однако труды Цицерона резко выделяются из общего числа. Обычно трактат по ораторскому искусству представлял собой нечто вроде учебника. Таково было уже упомянутое пособие Антония, безымянный трактат «Риторика для Геренния» и написанное самим Цицероном в юности пособие «О нахождении». Но его зрелые произведения совершенно

¹ Перевод С.С. Аверинцева

² Здесь и далее диалог цитируется в переводе Ф.А. Петровского.

ины. В центре его внимания стоит образ оратора. Каков должен быть этот кумир молодежи, этот «бог среди людей»?

Большинство римлян придерживались мнения, которое высказал Сульпиций, старший друг Цицерона, которым он восхищался в юности и считал крупным оратором. Марк Туллий вспоминает, что, когда Сульпицию советовали поучиться философии, чтобы речь его стала логичнее и возвышеннее, он со смехом отвечал: «По правде сказать, я вовсе не чувствую нужды ни в твоём Аристотеле, ни в Карнеаде, ни вообще в философах, и ты... можешь, коль угодно, думать, что я либо безнадежно неспособен усвоить ихнюю премудрость, либо ею пренебрегаю... Для того красноречия, о котором я мечтаю, за глаза довольно простого знакомства... с судебными вопросами» (Cic. De or., III, 147). Очень характерно, что речей своих Сульпиций никогда не записывал. Цицерону он говорил, что писать не умеет и не любит (Brut., 205). И Сульпиций не был одинок. Одним из самых сильных ораторов второй половины II в. до н.э. был Гай Папирий Карбон. Его называли царем Форума (Brut. 106). При этом он, по свидетельству современников, законов не знал вовсе и весьма плохо ориентировался в гражданском праве (Cic. De or., I, 40). Причина была не в том, что Карбон был талантлив, но ленив. Напротив. Он славился своим трудолюбием и уделял много времени различным упражнениям, предписанным оратору (Brut. 106). Просто он считал все прочие знания не нужными для искусства риторики.

Цицерон высказал совершенно другое мнение.

Оратор, утверждает он, должен быть образованнейшим человеком.

И прежде всего он должен в совершенстве знать философию. Зачем она оратору?

Во-первых, ему необходима *диалектика*, то есть искусство спора, которая была составной частью философии. Именно диалектика учит излагать дело ясно, четко, строго логически, а также позволяет отразить доводы противника (Or., 111–118).

Во-вторых, оратор должен уметь вызывать у слушателей необходимые эмоции — жалость, гнев и т. д. Но для этого, утверждает Цицерон, надо «глубоко... познать человеческую душу и причины, заставляющие ее вспыхивать и успокаиваться» (De or., I, 53–54). Сейчас этим занимается психология. В те времена это была составная часть философии (ibid.). Кроме того очень часто по ходу своей речи оратор должен останавливаться и делать своего рода лирические отступления — их называли тогда *общие места*. Тут он рассуждал о религии и бессмертных богах, о дружбе, общечеловеческом праве, о справедливости и величии души, о том, что такое преступление.

Но как может оратор размышлять обо всем этом, если он не знаком с учением Платона, Аристотеля и Зенона Стоика (De or., I, 56–57)?

Далее. Оратор должен знать юриспруденцию, причем изучить ее надо досконально, и владеть ею как настоящий юрист (De or., I, 166–184). А так как юриспруденция в Риме была очень развитой наукой, то на изучение ее необходимо было потратить годы.

Оратору часто приходится обсуждать перед народом новые законы, а перед сенатом — международную политику. Но это невозможно, если он глубоко не изучил *политических наук* (De or., I, 60).

Совершенно особое значение придавал Цицерон изучению истории. Он считал, что знать ее необходимо не только оратору, но всякому мало-мальски образованному человеку. «Не знать, что случилось до твоего рождения — значит всегда оставаться ребенком. В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков?» (Or. 120)¹. Для оратора же она незаменима. Ведь, говоря о новых реформах, он должен сравнить настоящее с прошедшим. Только тогда он придет к правильному выводу. Он может рассказать, как предлагали уже когда-то подобный закон, напомнить, что нечто похожее было в Греции, и остановиться на том, как повели себя при этом Солон или Сципион Эмилиан, мудрейшие граждане тех лет. Таким образом, по образному выражению Цицерона, он «вызовет с того света самых надежных свидетелей». Кроме того необходимо понять, соответствует ли проект духу народа и его религии, а для этого надлежит еще знать *религию, нравы, и традиции* своего отечества (De or., I, 60; Brut., 322).

Но требования Цицерона не ограничиваются гуманитарными науками. Мы с удивлением узнаем, что оратор, по его мнению, должен еще знать физику, то есть науку о природе, и представлять себе строение мира. Эти знания, говорит Марк Туллий, предадут его речи величие и возвышенность (Or., 119).

Наконец, известно, что люди в своих решениях часто руководствуются не логикой и доводами разума, а любовью, ненавистью, досадой, жалостью — словом, каким-то иррациональным чувством, каким-то душевным порывом (De or., II, 179). А на чувства надлежит действовать средствами искусства. Поэтому оратор должен быть еще и первоклассным актером, который сам искренне плачет над горем клиента и искренне пылает гневом против несправедливости. Его речи зачастую превращаются в настоящий захватывающий спектакль (Cic. De or., I, 128).

¹ Здесь и далее трактат цитируется в переводе М.Л. Гаспарова.

Таким образом, оратор, по мнению Цицерона, должен знать все науки, достойные свободного человека (*De or.*, I, 71–72).

Как отнеслись современники Цицерона к его советам?

По-видимому, они вызывали у них протест и недоумение. Об этом свидетельствуют многочисленные возражения, которые Цицерон вкладывает в уста своим собеседникам (*De or.*, I, 76, 219, 223–224; 252, 256; *Brut.*, 162). Суть их сводится к тому, что оратор — практик, который чуть ли не ежедневно выступает в судах. У него просто нет времени заниматься науками. Да они ему и не нужны. Кроме того никто не может достигнуть совершенства во всех областях знаний. Они насмешливо говорили, что Цицерон хочет засадить их за книги до самой старости.

Цицерон возражал на это, что без самых широких знаний речь оратора, даже самого талантливого, превратится в пустой звон красивых фраз (*Or.*, 51). Ибо только «в науках заключается источник совершенного красноречия» (*Brut.* 322). Далее, он не спорит с тем, что наука неисчерпаема и ученый должен отдать ей всю жизнь. Но ведь он вовсе не требует, чтобы оратор стал настоящим ученым, то есть человеком, который вносит свой вклад в науку. Он только хочет, чтобы он имел представление обо всех научных достижениях своего времени (*De or.*, III, 88–89).

Под давлением своих оппонентов Марк Туллий все-таки вынужден был признать, что тот оратор, о котором он мечтает, пока еще не родился, а, может быть, никогда и не родится. Это некий идеальный образ, образ из мира идей Платона, который можно сравнить с прекрасной статуей божества, изваянной Фидием. Ведь оригинала этого бога на земле нет (*Or.*, 7; 9–11).

Однако мне думается, что здесь можно оспорить мнение Цицерона. Человек, воплотивший его идеал, существовал в действительности. И человеком этим был сам Марк Туллий. Как ни странно, тот, которого и современники, и потомки обвиняли в непомерной властливости, оказался здесь замечательно скромным.

С ранней юности Цицерон постоянно учился. Наукам он отдавался с таким усердием, что римская чернь дразнила его: «Грек» и «Ученый» (*Plut. Cic.*, 5). Его наставником стал стоик Диодот. Это был ученейший эллин, имевший множество учеников (*Fam.* XIII, 16, 4). Цицерон вскоре стал его любимцем. Философ переехал к нему и окончил дни в его доме. В конце жизни Марк Туллий вспоминал, как под руководством Диодота «все время, день и ночь занимался изучением всех наук» (*Brut.*, 308–309).

В 80 г. до н.э. Цицерон уехал в Грецию и провел там два года. Он посетил знаменитейшие города Эллады и побывал в Малой Азии. В Афинах, бывших тогда центром философии, он слушал лекции лучших философов того времени. «Он учился с огромным усердием», — говорит Плутарх (Сис., 4)¹. Его увлечение было так велико, что одно время он хотел посвятить себя философии и остаться в Афинах. Особенное впечатление произвели на него лекции главы Новой Академии Антиоха.

Любовь к философии Марк Туллий сохранил на всю жизнь. Он не только постоянно изучал книги философов. Он обращался к ним в самые критические моменты своей жизни в поисках совета и утешения. Наиболее яркий пример тому — смерть его дочери Туллии, бывшей самым дорогим для Цицерона человеком. Отец был в такой горе, что не мог говорить даже с самыми близкими людьми. Единственное, что дало ему силу жить — это философия. Он начал писать философские трактаты и создал латинскую философскую терминологию. Первый из них — ныне, к несчастью, утраченный — так и назывался «Об утешении». В своих философских сочинениях он сумел очень четко и в то же время красочно изложить взгляды всех главных философских школ своего времени. Сам он в конце жизни так рассказывал об этом: «...Я начал интересоваться философией не внезапно: я занимался ею с самой юности и проявлял при этом немалое рвение и старание. И я был более всего погружен в философию именно тогда, когда, казалось, был от нее дальше всего. Это доказывают и мои речи, изобилующие высказываниями философов, и близость с учеными людьми, которыми всегда блистал мой дом; замечательнейшие из них — Диодот², Филон³, Антиох⁴, Посидоний⁵; они-то и наставляли меня. И если в жизни вообще можно ру-

¹ Перевод С.П. Маркиша

² Диодот — стоик, живший в доме у Цицерона, о котором мы говорили.

³ Филон из Ларисы Фессалийской — ученик Клитотомаха. Его учеников выделяли иногда в Четвертую Академию (*Sext. Emp.*, Руфг. II, 220). С 88 г. до н. э. жил в Риме. Цицерон считал себя последователем именно его школы (*Fam.* IX, 8, 1; *Brut.* 89; *De nat. Deor.* 1, 7, 17).

⁴ Антиох из Аскалона, академик, учеников которого иногда выделяли в Пятую Академию (*Sext. Emp.*, Руфг. II, 220). Он отказался от абсолютного скепсиса, заимствовал некоторые моменты из учения Платона. Опираясь на его учение, Цицерон утверждал, что академики имеют определенную точку зрения, а скепсис — только форма познания.

⁵ Посидоний из Апамеи (Ок. 135–51 гг. до н.э.), ученик Панеттия, основателя II Стои. Цицерон был с ним хорошо знаком, состоял в переписке и считал его своим учителем (см., например, *Att.* II, 1, 12).

ководствоваться философскими принципами, я верю, что и в частных и в общественных делах я руководствовался предписаниями разума и науки... Для блага самого государства я счел необходимым разъяснить моим согражданам философию, ибо мне казалось очень важным для славы и достоинства Города изложить столь важные и прекрасные предметы по-латыни. Я вовсе не раскаиваюсь в своем начинании, ибо ясно вижу, что благодаря мне очень многие загорятся желанием не только учиться, но и писать самим. Ибо немало людей, сведущих в греческих науках, не могли поделиться знаниями с соотечественниками, так как они не сумели выразить по-латыни то, что узнали от греков. Мне кажется, в этой области сделано уже очень много, и греки теперь не превосходят нас богатством терминологии. Меня также побудила обратиться к философии душевная боль: на меня обрушилась ужасная и тяжелая несправедливость судьбы (имеется в виду смерть дочери — Т.Б.), найди я другое лекарство, я бы не обратился к этой науке» (*De Nat. Deor.* I, 6–9)¹.

Именно от Цицерона впоследствии узнала греческую философию вся Европа.

Цицерон прекрасно знал юриспруденцию. Он учился у двух крупнейших юристов того времени — Сцеволы Авгура и Сцеволы Юрисконсульта (*Cic. Amic.*, 1–2; *Brut.*, 306; *Phil.*, VIII, 10).

Марк Туллий чрезвычайно интересовался политическими науками. Об этом свидетельствуют его трактаты «О законах» и особенно «О государстве», где он с блеском развил идеи Платона, Аристотеля и Полибия.

Несомненно, он очень хорошо знал историю Рима и Греции. В своих трактатах и речах он сообщает много исторических сведений, при этом чрезвычайно точен. Например, именно он рассказывает подробности о полемике вокруг закона Гая Гракха и о выступлении против него Пизона Фруги (*Cic. Fontei.*, 39; ср. *Schol. Bob. in Cic. Flacc.* p. 96, 26). Кроме того он сам написал историческое сочинение — трактат, который называют обычно «Брут» и который представляет собой историю римских ораторов и римского красноречия. Это произведение было необычайно высоко оценено Э. Мальковатти (*ORF*², p. VI).

Цицерон испытывал огромный интерес и к наукам негуманитарным. Математикой он восхищался. «Нет ничего ослепительнее их математики», — говорил он, узнав достижения греческих ученых (*Tusc.*, I, 113). Но особенно любил он астрономию. Учить ее он начал, видимо, с тем же Диодотом по небесной сфере, то есть планетарию,

¹ Перевод автора.

сделанному великим греческим математиком и физиком Архимедом Сиракузским. Цицерон рассказывает, что, когда он увидел этот бронзовый шар с изображением светил, он вначале показался ему малоинтересным. Но, когда шар был приведен в движение, он понял, что «в этом сицилийце был гений больший, чем может вместить природа человеческая». При вращении сферы «происходило так, что на бронзовом изделии Луна сменяла Солнце в течение стольких же оборотов, во сколько дней сменяла она его на самом небе, поэтому на небе сферы происходило такое же затмение Солнца» (*De re publ.*, I, 21–22)¹. «Архимед, — пишет Цицерон, — когда он заключил в сферу движения Луны, Солнца и пяти блуждающих звезд, сделал то же, что Платоновский Бог, творец мира в «Тимее», подчинив единому кругообороту движения ускоренные и замедленные». И, если мир не мог быть создан без Бога, «то и в своей сфере Архимед не смог бы их имитировать без божественного гения» (*Tusc.*, I, 63)². Замечательно, что именно Цицерон нашел давно заброшенную и забытую соотечественниками могилу Архимеда. У Цицерона был некий опознавательный знак. Он знал, что Архимед очень гордился решением задачи об объеме шара и цилиндра и завещал высечь эти геометрические тела на своем надгробии. И вот тщательно и методично, шаг за шагом, он стал исследовать Сиракузы и их окрестности в поисках могильной плиты с шаром и цилиндром. Наконец среди старых полуразрушенных могил, заросших травой, он отыскал желанный памятник (*Tusc.*, V, 64–65).

Цицерон настолько увлекался астрономией, что перевел на латинский язык стихами огромную ученую поэму грека Арата, где описывалось все звездное небо и все созвездия.

В трактате «О природе богов» он столь подробно пишет о строении человеческого тела, о функциях различных органов, о поведении животных, что не остается сомнений в его хорошем знакомстве с достижениями науки его времени.

Наконец, следует отметить, что Цицерон учился профессиональной актерской игре у артистов. Как известно, в Риме презирали актеров. Человек, выходявший на подмостки, даже терял римское гражданство. Выступали в театре только рабы или вольноотпущенники. Но Цицерон смотрел на театр по-иному. Римский ученый Макробий пишет: «Цицерон не презирал актеров» и считал своими близкими друзьями актеров Росция и Эзопа (*Macrob. Sat.*, III, 14, 12). Росций был знаменитейший комический актер Рима, Эзоп — тра-

¹ Перевод В.О. Горенштейна.

² Перевод М.Л. Гаспарова.

гический. Оба были не только друзьями, но и учителями оратора, у которых он брал уроки актерской техники (Macrob. Sat., *ibid*).

Можно возразить, что Цицерон был компилятор, который лишь пересказывал доступным языком чужие достижения. Но это как раз точно соответствует его собственной программе. Оратор не должен быть настоящим ученым. Но он должен лишь знать научные достижения своего времени.

Мне хотелось бы однако отметить одну область человеческих наук, в которой Марк Туллий, на мой взгляд, был совершенно оригинальным мыслителем. Это психология и именно психология преступника. Он отмечает, что *преступление всегда сопровождается душевной болезнью*. Например, говоря о преступлениях сицилийского наместника Верреса, против которого он выступил по просьбе сицилийцев, Марк Туллий отмечал некоторые совершенно необъяснимые, просто бессмысленные его поступки; они-то и привели его к гибели. Цицерон объясняет их безумием, овладевшим Верресом после совершенных им злодеяний (Verr., II, 1, 7–9; II, 5, 73; 139). «Очевидно помешательство, обыкновенно сопутствующее... преступлениям, обуяло его... сердце» (II, 5, 139)¹. В другом месте: «Подстрекаемый безумием, которое овладело им вследствие его преступлений» (курсив наш. — Т.Б.) (II, 5, 73).

Цицерон задавался вопросом, отчего же преступник сходит с ума? Он утверждает, что причиной являются непрерывные мучения, которые в конечном итоге полностью разрушают его личность. Терзают же его мысли о содеянном. Сознание преступления «мучит его и лишает рассудка... Все это не позволяет ему успокоиться от овладевшего им помешательства» (Verr., II, 1, 7). Это, утверждает Цицерон, очень странное состояние. Дело в том, что мучит преступника не раскаяние и не угрозы с со стороны, как можно было бы подумать. Раскаяние как раз благотворно и приводит человека к добру. Между тем обезумевший преступник не только не идет к добру, а творит все новые и новые злодеяния, одно страшнее другого. Цицерон вспоминает, что поэты часто рисуют нам преступников одержимыми безумцами. Например, Орест у Эсхила убивает родную мать и тотчас же являются страшные призраки, фурии² с пылающими факелами в руках. Они гонят свою жертву, жгут ее факелами, пока она совсем не обезумевает. Эти фурии с жгучими факелами, говорит он, лишь поэтическое олицетворение мучительных мыслей, которые жгут мозг преступника

¹ Здесь и далее перевод Ф.Ф. Зелинского.

² В греческом оригинале трагедии речь они названы *эриниями*.

(Leg., I, 40). «Не верьте тому, что вам не раз случалось видеть на сцене — что совершившего... преступление преследуют и пугают фурии с горящими факелами, — нет, ничто не терзает его, как сознание его вины, его страх перед собой; его мучают воспоминания о его грехе... Вот — те богини мщения» (Rosc. Amer., 67). Преступники, говорит Цицерон, могут подкупить суд людской, но они не уйдут от высшего суда. Их «гонят и преследуют фурии, но не с пылающими факелами, как в мифах, они мучат их тоской от сознания греха» (Leg., I, 40; II, 43). В другом месте подробно развита та же мысль: «Какая кара, посланная бессмертными богами, может быть ужаснее помешательства, безумия? Неужели ты полагаешь, что те герои трагедий, которые на наших глазах мучаются и гибнут от боли и ран, несут более тяжкую кару бессмертных богов, чем те, которых изображают безумными? Нет. Стоны и вопли Филоктета не так жалки... как дикие прыжки Афананта¹ и бред матереубийц... Ты несешь ту единственную кару, которую бессмертные боги установили за человеческие преступления... Стрелы богов вонзаются в мозг нечестивцев» (Наг., 39)².

Я хочу отметить удивительное сходство этих рассуждениях Цицерона с образами «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Как помнит читатель, Раскольников еще до убийства очень интересовался проблемой преступления. Он пришел к выводу, что оно всегда сопровождается душевной болезнью. Он надеялся, что в его случае все будет иначе, ибо он не совершает преступления. Но он жестоко ошибся. Рассудок его стал мешаться сразу после убийства. Он постоянно находится в состоянии полубреда, страдает, не может ни с кем говорить, на него находят приступы необъяснимой ярости. Его врач Зосимов не сомневается, что он сошел с ума. Именно благодаря этому он выдает себя перед следователем. Интересно и другое. Раскольников испытывает жгучие страдания и в то же время ни разу он не ощутил угрызения совести. Он даже тоскует по ним, уверенный, что они облегчили бы его душу. В конце концов он понимает, что единственный для него выход — выдать себя властям. Как тут не вспомнить Цицерона, который, описав состояние преступника, замечает: «Ему осуждение может быть отрадно» (Verr., II, 1, 9; ср. Cat., IV, 8).

¹ Филоктет — греческий герой времен Троянской войны. Укушенный змеей, испытывал непрерывные боли. Афанант — в припадке безумия убил родного сына. Оба они выведены в греческих трагедиях, в частности в трагедии Софокла «Филоктет».

² Диалог «О законах» и речь «Об ответах гаруспиков» приводятся в переводе В.О. Горенштейна. Речь «В защиту Росция Америкского» — в переводе Ф.Ф. Зелинского.